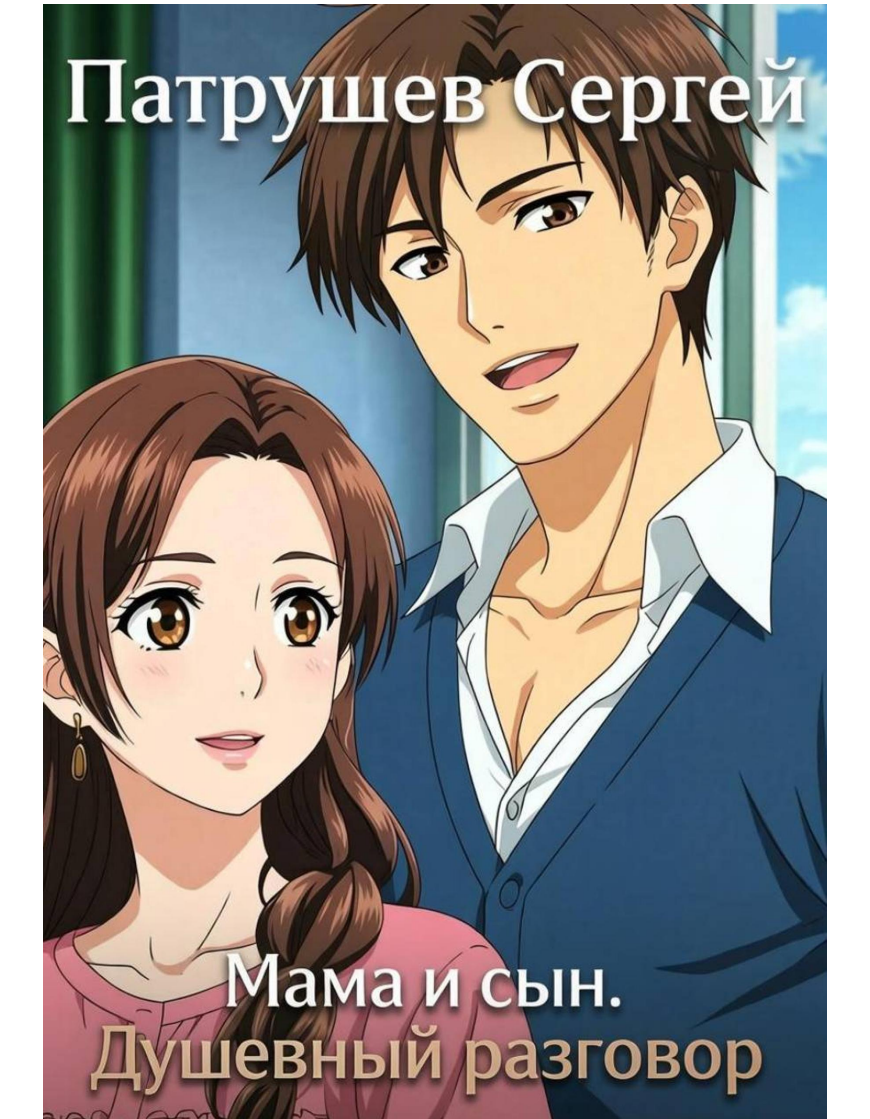

An anime-style illustration of a young man and a young woman. The man, with short brown hair and a slight smile, is wearing a blue cardigan over a white collared shirt. The woman, with long brown hair in a braid and large expressive eyes, is wearing a pink top. They are positioned in front of a background of green vertical bars and a blue sky with clouds.

Патрушев Сергей

Мама и сын.
Душевный разговор

Сергей Патрушев

Мама и сын.

Душевный разговор

<https://litres.ru/74476853>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, когда стабильная жизнь превращается в клетку? Сергей успешный айтишник с хорошей зарплатой и пустотой внутри. Однажды ночью он сбегает от корпоративной гонки в старую родительскую дачу.

Там, на кухне под оранжевым абажуром, его ждут мама Ольга и папа Виктор. За чашкой чая и яблочным пирогом они начинают говорить о самом главном: как перестать бояться будущего, простить старые обиды и найти смелость быть собой.

Это история о том, что настоящая безопасность не в банковском счёте, а в тепле маминых рук, и самый важный проект в жизни — это твоя собственная душа.

Содержание

Глава 1. Почему мне так страшно, что я не успею?	4
Глава 2. Как ты поняла, что папа тот самый?	21
Глава 3. Прости меня за те слова	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сергей Патрушев

Мама и сын.

Душевный разговор

Глава 1. Почему мне так страшно, что я не успею?

Ключ повернулся в замке с третьей попытки. Пальцы, одревеневшие от ноябрьского холода и восьми часов непрерывного стука по клавиатуре, отказывались сгибаться. Сергей навалился плечом на тяжелую металлическую дверь старой родительской квартиры, проталкивая ее внутрь. В прихожей пахло так, как может пахнуть только здесь: смесью яблочного пирога, корвалола и пыли, оседающей на старых книгах. Этот запах ударил в нос плотнее, чем ледяной сквозняк из подъезда, заставив зажмуриться.

Свет из гостиной падал узкой желтой полосой через открытую дверь, разрезая темноту коридора. На тумбочке сиротливо мигал красным глазком индикатор выключенного телефона — сорок два пропущенных вызова. Сорок два напоминания о том мире, который он только что оставил за порогом. Он не стал его включать.

Сергей медленно разулся, сбросил на пол тяжелое пальто, которое тут же бесформенной кучей осело на старом паркете. Галстук душил. Узкий воротник офисной рубашки впивался в кадык. Он дернул узел, сорвав галстук одним резким движением, словно змеиную кожу. Шелк жалобно хрустнул. Пуговицы на манжетах не поддавались, и он просто рванул их, высвобождая отекавшие запястья. Рубашка полетела следом за галстуком. Остаться в одной несвежей майке было единственным физическим ощущением свободы, доступным ему сейчас.

— Сережа? Ты чего в темноте стоишь? Ноги промочил? — голос матери донесся из кухни, тихий, чуть надтреснутый, но абсолютно спокойный. Она всегда чувствовала его появление спиной.

Ольга Андреевна вышла в коридор, вытирая руки вафельным полотенцем. Ей было пятьдесят восемь, но сегодня, в мягком свете абажура, она казалась Сергею древней, как сама вечность. Ее лицо в сеточке мелких морщин излучало ту самую непоколебимую уверенность, которой у него не было ни капли. В руках она держала деревянную доску с нарезанными яблоками. Кислота антоновки защищала воздух.

— Промочил, — хрипло ответил он, пытаясь улыбнуться. Вышла кривая гримаса. — Зонт забыл в офисе. Лило как из ведра.

Он прошел мимо нее на кухню, тяжело опустился на скрипнувший венский стул. Старый дуб протестующе засто-

нал под его весом. Кухня была маленькой, шесть квадратных метров советской планировки, где каждый сантиметр был обжит десятилетиями. Желтые обои в мелкий цветочек, газовая колонка, которая иногда фыркала по утрам, холодильник «Зил», переживший три ремонта. Здесь время текло иначе. Оно не бежало вперед, разрывая легкие, а густо капало, как вода из неисправного крана.

— Раздевайся толком, горе луковое, простынешь, — Ольга поставила перед ним чашку с крепким чаем. Стекло подстаканника было горячим. — Пирог еще минут десять. Садись ближе к батарее. И телефон свой мертвый включи, там Димка твой обрывается. Наверное, опять про свою новую машину рассказывает?

Сергей взял чашку обеими руками, грея ладони. Чай был слишком сладким, приторным. Как и вся его жизнь в последнее время. — Не надо, мам. Пусть звонит. Я... я не хочу никого слышать.

Ольга села напротив, сложив руки на столе. Она не стала спрашивать. Просто смотрела на него своими светлыми, все понимающими глазами, в которых никогда не было упрека. Только бесконечное, вселенское терпение.

— Опять они? — спросила она наконец, когда молчание стало плотным, как осенний туман.

— Они, — кивнул Сергей. — Мы сидели в этом пабе на Белорусской. Дорого, шумно, пиво кислое. Димка купил себе этот чертов BMW в кредит. Макс получил повыше-

ние, теперь какой-то тимлид, ходит с лицом спасителя человечества. Анька выходит замуж за парня из Газпрома, они уже присматривают квартиру в Москва-Сити. Двушка, сто двадцать квадратов, панорамные окна. Представляешь? Сто двадцать квадратов на двоих. Зачем им столько воздуха?

Он говорил быстро, глотая окончания слов. Горячий чай комом стоял в горле, но выплеснуть это наружу было жизненно необходимо. Выплюнуть вместе с накопившимся ядом чужого успеха.

— А я сидел между ними, смотрел на эти счастливые лица и чувствовал себя призраком. Понимаешь? Оболочкой. Мертвецом в дорогом костюме. У меня зарплата хорошая, мам. Очень хорошая для моего возраста. Сто двадцать тысяч чистыми. Я могу позволить себе отпуск в Сочи или даже в Турции. Но я слушаю их разговоры...

Сергей наклонился вперед, опираясь локтями о липкую клеенку стола. Его глаза блестели сухим, лихорадочным блеском.

— Димка считает проценты по ипотеке. Он нашел какую-то льготную программу для IT-специалистов, первоначальный взнос полтора миллиона, ежемесячный платеж девяносто. Он расписывал мне график погашения на пятнадцать лет. Пятнадцать лет, мам! Он добровольно сажает себя в клетку на восемнадцать месяцев, чтобы платить банку за бетонную коробку в человейнике в Некрасовке. И он счастлив! Он говорит: «Старик, главное — успеть вскочить в по-

следний вагон».

Макс рассказывал про свои КРІ, про квартальные бонусы, про то, как поставил на место генерального директора на совещании. У него стратегия развития карьеры на семь лет вперед. Он знает, в каком году станет директором департамента. У него есть дорожная карта жизни, распечатанная на принтере!

А я... я смотрю на них и понимаю, что моя карта сгорела. Или я ее вообще не покупал. Мне двадцать семь лет, мама. Двадцать семь. А у меня нет ничего. Кроме этого страха.

— Чего именно ты боишься, сынок? — тихо спросила Ольга, подвигая к нему блюдо с вишневым вареньем. — Того, что у тебя нет BMW? Или того, что у тебя нет графика выплат?

— Я боюсь времени, — выдохнул Сергей. Он откинулся на спинку стула, запрокинув голову к потолку, покрытому мелкими трещинками-паутинками. — Я боюсь, что оно кончается. Что пока они строят свои графики, покупают машины и выбирают шторы в свои сто двадцать квадратов, мои рельсы заржавели. Поезд ушел. Я проснусь завтра, потом послезавтра, потом первого января две тысячи тридцатого года, а я буду тем же самым Сережей, который сидит на чужой кухне и ждет, когда испечется пирог. Без цели. Без вектора.

Я смотрю на них и физически чувствую, как уходит почва из-под ног. словно мы бежим марафон. Все стартовали одновременно. Первые километры были легкими, мы шути-

ли. А потом начался подъем. Они ускорились, перешли на спринт, дышат ровно, у них второе дыхание открылось. А я перешел на шаг. Потом остановился, потому что закололо в боку. Сел на обочине, развязал шнурки. Сижу. И вот я поднимаю голову, вижу их спины далеко впереди, скрывающиеся за поворотом трассы, и меня охватывает такая паника... Такая черная, вязкая жуть. Почему мне так страшно, что я не успею? Куда не успею? Кто определил эту финишную черту?

Его голос сорвался. Он спрятал лицо в ладонях, растирая дрожащие веки. Плечи затряслись — беззвучно, мелко, как у ребенка, которого обидели, но который из всех сил пытается быть взрослым.

На кухне тикали старые часы с кукушкой, отсчитывая невидимые удары сердца. Запах печеных яблок стал невыносимо густым.

Ольга встала. Она обошла стол, не говоря ни слова, и прижала его голову к своему теплему животу, поглаживая по спутанным волосам тяжелой материнской рукой. От ее домашней кофты пахло шерстью и стиральным порошком.

— Тише, мой хороший. Тише, — прошептала она. — Дыши. Просто дыши со мной. Вдох... и медленный выдох. Вот так. Еще раз. Глубже. Выдыхай весь этот чужой дым из своих легких.

Она гладила его по голове, пока судорога в спине не начала отпускать.

— Послушай меня, Сережа, — сказала она, когда он

немного успокоился, хотя все еще прятал лицо. — Подними голову. Посмотри на меня.

Он поднял мокрые, покрасневшие глаза.

— Тебе кажется, что твоя история уникальна. Что раньше такого давления не было. Было, родной. Еще какое. Только называлось оно иначе. Тогда вашим Димкам и Максам нужно было достать югославскую стенку, записаться в очередь на «Жигули» и вступить в партию до тридцати, иначе карьера закрыта. Страх остаться без стенки был таким же животным, как твой страх остаться без ипотеки.

Мне тоже было двадцать пять. Это случилось в восемьдесят девятом. Самый конец перестройки, пустые полки, талоны на сахар, но гонка была страшнее, чем сейчас. Мой отец, твой дед, фронтовик, сказал мне тогда прямо: «Оля, если ты в этом году не выйдешь замуж, после тридцати ты станешь старой девой. Институт закончила? Закончила. Работает инженером? Работает. Где муж? Где дети? Часы тикают».

У нас в конструкторском бюро висел плакат соцсоревнования. План-график пятилетки. Моя лучшая подруга Ленка выскочила за Мишу, местного хулигана, только потому, что ей исполнилось двадцать четыре, а женихов на горизонте не было. Она рыдала всю свадьбу, размазывая тушь, потому что понимала — это не любовь, это выполнение плана. Закрывание ячейки. Она боялась не успеть стать «нормальной женщиной».

А я любила твоего отца. Любила до звезд в глазах. Но он

тогда мотался по стройкам БАМа, писал редко, денег не присылал. Надежности ноль. И за мной начал ухаживать Витя. Замдиректора базы снабжения. Толстый, лысый, от него вечно пахло копченой колбасой и валидолом. Зато у него была квартира, машина «Волга» и связи. Гарантия. Стабильность.

И знаешь, что я сделала? Я почти согласилась. Я пришла домой, села точно так же, как ты сейчас, и меня трясло. Я считала. Если я скажу Вите «да» в сентябре, то в декабре мы сыграем свадьбу. В феврале я забеременею. В октябре рожу. К двадцати семи годам у меня будет ребенок и статус замужней женщины. Я выполню норматив. Я успею. Я не останусь на обочине жизни.

Сергей слушал, затаив дыхание. История матери звучала как фантастический роман, но ужас в ее тогдашних глазах был настоящим, родным.

— И почему ты не вышла? За колбасу и «Волгу»? — тихо спросил он.

— Потому что посмотрела в зеркало и увидела там мертвую женщину, — жестко ответила Ольга. Лицо ее вдруг постарело, собравшись жесткими складками у рта. — Живую, дышащую, здоровую, но мертвую внутри. Я представила, как просыпаюсь каждое утро рядом с запахом колбасы, целую эти щеки, ложусь ради стабильности в постель с нелюбимым человеком, рожаю детей, которые будут смотреть на меня и спрашивать, почему у мамы такие пустые глаза. И ради чего? Чтобы сказать папе: «Смотри, я успела»?

Жизнь — это не поезд, Сережа. Жизнь — это океан. А вы все пытаетесь построить из него железную дорогу. Вы думаете, что если проложить шпалы четкого плана, составить расписание приливов и купить билет бизнес-класса, то не утонешь. Глупость какая. Шторм смоем любую насыпь. Ваш Димка уверен в своем графике платежей, а завтра банк поднимет ставку. Ваш Макс уверен в своей должности, а завтра придет молодой парень с горящими глазами, который умеет делать то же самое в два раза быстрее нейросети, и Макса выбросят на улицу с выходным пособием и нервным срывом. Их планы — это иллюзия контроля. Попытка договориться с хаосом.

— Но они выглядят такими уверенными... — глухо возразил Сергей. — Когда Димка говорит о процентах, у него глаза горят. Он чувствует власть над будущим.

— Он чувствует адреналин белки в колесе, — отрезала Ольга. — Ему некогда поднять голову и посмотреть на небо. Он боится остановиться, потому что тогда придется признать, что колесо никуда не едет. Оно просто крутится на месте, сжигая его мясо до костей.

Ты говоришь, у тебя нет цели. А кто тебе сказал, что цель должна быть одна? Большая, жирная, прописанная в резюме миссией компании? Цель — это не точка на карте, куда нужно прибыть к сорока годам, обвешавшись имуществом. Цель — это качество твоего дыхания прямо сейчас.

Вот посмотри на свои руки.

Сергей недоуменно посмотрел на свои ладони, лежащие на коленях. — Руки как руки. Пальцы длинные.

— Это руки человека, который сегодня утром написал код, благодаря которому тысяча людей смогла вовремя получить зарплату. Ты пришел вечером уставший не потому, что таскал мешки. Ты истощен морально, потому что целый день брал ответственность за чужие деньги из своей головы. Это огромная тяжесть. Ты думаешь, твои друзья делают что-то более важное? Димка продает железо. Красивое, быстрое, но железо. Макс перекладывает бумажки и орет на подчиненных. А ты создаешь архитектуру. Это тонкая материя.

Твоя проблема не в том, что у тебя нет плана. Твоя проблема в том, что ты живешь в будущем, которого не существует. Ты сейчас сидишь на моей кухне, пьешь чай, ешь мое варенье, а сам мысленно уже подписал ипотечный договор, развелся с женой, которую еще не встретил, похоронил карьеру и стоишь на паперти. Ты украл у себя сегодняшний вечер. Ты обменял тепло этой кухни на холод цифр в голове Димки.

— И что мне делать? — спросил Сергей. Вопрос прозвучал жалко, по-детски. — Просто забить? Сидеть дальше на обочине и нюхать ромашки, пока они бегут?

— Нет, — мягко улыбнулась Ольга. — Ромашки нюхать можно, это полезно. Но вставать надо. Только бежать не *куда-то*, а *как*.

Она взяла пульт от старого телевизора, стоявшего на хо-

лодильнике, и нажала кнопку громкости. Из динамика полилось шипение пустой частоты.

— Слышишь? Белый шум. Так звучит тревога. Постоянный фоновый гул ожидания катастрофы. Мы привыкли к нему и перестали замечать. Давай его выключим.

Она снова выключила звук. Стало слышно, как за окном воеет ветер и как мерно, глубоко дышит старая пятиэтажка.

— Дыхание — это единственный настоящий момент, который у тебя никто не отнимет, — сказала Ольга очень серьезно. — Прошлого уже нет. Будущего еще нет. Есть только эта секунда. Прямо сейчас.

Она подвинула свой стул вплотную к его. — Положи руку на грудь. Чувствуешь? Сердце колотится. Оно разогнано кортизолом. Адреналином гонки. Нам нужно сбросить обороты.

Медленно. Через нос. Считай про себя. Один... два... три... четыре. Задержи. Раз, два. Теперь плавно выдыхай через рот. Ш-ш-ш-ш... Раз, два, три, четыре, пять, шесть. Почувствуй, как воздух остужает горло.

Давай вместе.

Они сидели друг напротив друга в тесной кухне. Мать и сын. Сергей послушно вдохнул, расправляя плечи. Воздух показался неожиданно вкусным, с привкусом яблок и металла. Он задержал дыхание, глядя в спокойные серые глаза Ольги. Выдохнул. Вместе с теплым воздухом из груди вышло что-то тугое, болезненное. Ком в солнечном сплетении

ослабил хватку.

— Еще раз, — командовала мать. — Вдох. Наполняй не только легкие, но и живот. Видишь, я втягиваю. Брюшное дыхание успокаивает блуждающий нерв. Физиология, ничего мистического. Выдох вдвое длиннее вдоха. Сигнал мозгу: опасности нет. Мы в безопасности. Мы дома.

Сергей повторил. На третий раз пальцы, сжимавшие кружку, побелели не от напряжения, а просто от расслабления. Кровь отлила от сведенных мышц.

— Хорошо, — кивнула Ольга. — А теперь почувствуй задницу. Буквально. Как она соприкасается с деревом стула. Чувствуешь занозу слева? Старая краска.

Сергей моргнул, фокусируя зрение. Он действительно почувствовал шершавое дерево, легкий холод сиденья и острый уголок старой краски. — Чувствую.

— Тепло чая. Обхвати кружку. Чувствуешь жар сквозь стекло? Вес подстаканника. Он тяжелый, советский, надежный. Он весит двести граммов. Он реален.

Варенье. Кислое. Сахар. Положи ложку в рот. Медленно. Не думай о том, будешь ли ты покупать квартиру в тридцать. Думай только о том, как вишня лопается на языке.

Сергей положил в рот ложку густого, темно-красного варенья. Оно действительно взорвалось кисло-сладким соком. Зубы коснулись гладкой косточки. Это было настолько остро, ярко и материально, что серый туман тревоги, заполнявший его голову последние полгода, дрогнул и пошел трещи-

нами.

— Я... я чувствую, — прошептал он. Рот был липким от сахара.

— Вот это и есть жизнь, Сережа, — тихо сказала Ольга, беря его за свободную руку. Ее ладонь была сухой и горячей. — Не ипотека. Не должность тимлида. Не сто двадцать квадратов стекла. А ложка вишневого варенья в твоей руке. Тепло маминых пальцев. Тиканье часов. Тот факт, что ты живой и можешь дышать этим спертым кухонным воздухом.

Твои друзья купили билеты на аттракцион под названием «Социальное одобрение». Там много шума, ярких огней и очередей. Им весело, им страшно, они думают, что выиграют главный приз. А ты просто вышел прогуляться в парк. Может быть, ты присядешь на скамейку и покормишь голубей. Может быть, пойдете пешком через лес. Да, те, кто на американских горках, пролетают маршрут быстрее. Но они привязаны ремнями, они не могут выйти, пока круг не закончится, и их тошнит от скорости. А у тебя развязаны шнурки. Ты волен идти куда хочешь.

Перестань бояться, что ты не успеешь. Успеть — куда? К смерти? Мы все прибудем туда строго по расписанию, минута в минуту, независимо от марки автомобиля.

Тебе страшно, что ты неудачник? Посмотри на себя моими глазами. Ты приходишь ко мне, ты снимаешь с себя эту фальшивую броню успешности, ты плачешь, потому что у тебя живая душа. Ты умеешь чувствовать боль от несовер-

шенства мира. Разве это называется неудачей? Неудачник — это тот, кто в погоне за графиком амортизации кредита забыл, какого цвета глаза у его жены. Или забыл позвонить собственной матери.

В духовке тихо щелкнул таймер. Звук показался выстрелом в наступившей тишине, но ни один из них не вздрогнул. Ольга легко поднялась, открыла горячую дверцу. Волна жара и запаха печеного теста окутала их.

— Достань, — попросила она, подавая прихватки.

Сергей натянул толстые тканевые рукавицы. Его руки больше не дрожали. Он аккуратно, двумя руками вынул тяжелый противень. Шарлотка поднялась золотистым куполом, яблоки утопали в нежном бисквите. Простая еда. Домашняя. Настоящая.

Он поставил противень на подставку. Дерево столешницы слегка задымилось от жара.

— Режь, пока горячая, — сказала Ольга, доставая из сушилки чистые тарелки с золотой каймой. — Самое вкусное — первая порция, когда корочка сверху еще хрустит, а внутри все парит.

Сергей взял тупой нож. Провел лезвием по румяному боку пирога. На срезе открылся слоеный мир: белоснежный бисквит, темные влажные яблоки, пузырьки воздуха. Он положил щедрый кусок на тарелку матери, затем себе.

Они ели молча. Шарлотка была обжигающе горячей, невозможно сладкой и самой вкусной едой, которую Сергей

пробовал за последние годы. Каждый кусок возвращал его в тело. Он перестал быть функцией, сотрудником отдела разработки, набором социальных ожиданий. Он стал просто голодным человеком, который ест теплый пирог на кухне у мамы.

Когда тарелка опустела, а последняя крошка была подобрана корочкой хлеба, Сергей откинулся на спинку. Внутри впервые за долгое время было не пусто. Там было тихо. Спокойно. И немного сонно, как в детстве после долгой прогулки.

— Мам, — позвал он, вертя в пальцах чайную ложку. — А если я так и не захочу ипотеку? Если я решу просто работать, читать книги и жить на съемной квартире? Меня же сожрут. Общество, друзья, папа...

Ольга мыла посуду, методично проводя губкой по тарелке. Вода шумела, заглушая звуки улицы. — Пусть попробуют, — усмехнулась она, не оборачиваясь. — Съесть живого человека сложнее, чем нарисованный график.

Папа твой, кстати, женился на мне, когда понял, что со мной бесполезно говорить про дефицит ковров. Я жила в палатке на раскопках в Херсонесе, ела тушенку ножом и была абсолютно счастлива. Он испугался, что такую ненормальную уведет кто-нибудь другой, такой же сумасшедший.

Живи, как дышится, Сережа. Пока ты честен с собой — ты не проиграешь. Эта гонка — мираж. Пустыня. Как только ты перестанешь в нее верить и пытаться догнать горизонт, ты

увидишь, что вокруг прекрасный оазис. Оставайся. Завтра суббота. Никуда не ходи. Проспим до обеда, а потом поедem на дачу. Дров поколем. Физическая усталость лечит душевную лучше любых разговоров. Топор, дрова, холодный воздух — лучшее лекарство от экзистенциального кризиса.

Сергей посмотрел на свои руки. Мозолей от топора у него не было. Были только сухие мозоли от мышки. Но мысль о зимнем лесе, тяжести полена и звоне стали о дерево отозвалась в нем неожиданным теплом. Это был понятный, конечный труд. Результат которого можно потрогать и бросить в печь.

— Я останусь, — сказал он. — Только давай возьмем термос с этим чаем. Он слишком сладкий, но сейчас мне плевать.

— Конечно, возьмем, — кивнула Ольга, вытирая руки полотенцем. — И перчатки теплые захвати. У тебя руки тонкие, сразу замерзнут. Какой же ты у меня все-таки хрупкий вырос. Весь в отца.

Она подошла и снова взлохматила его волосы. Сергей перехватил ее руку и поцеловал сухую, испещренную синими прожилками ладонь.

За окном продолжал выть ветер, швыряя в стекло горсти мокрого снега. Где-то там, в темноте большого города, Димка наверняка вбивал цифры в ипотечный калькулятор, а Макс дописывал стратегию захвата рынка. Они спешили занять места в вагонах поезда, уходящего в никуда.

А Сергей сидел в тепле, пил приторный чай, слушал, как уютно гудит старый холодильник, и впервые за долгие месяцы не чувствовал, что опоздал. Время никуда не шло. Оно просто было. Здесь. Сейчас. В этой кухне. В конце концов, разве не для этого люди работают — чтобы однажды ночью прийти домой, снять тесные ботинки и понять, что им не нужно никуда бежать?

Глава 2. Как ты поняла, что папа тот самый?

Субботнее утро началось не с будильника, а с запаха мокрого снега и озона. Сергей проснулся от того, что в щель между старыми деревянными рамами сквозило ноябрьской сыростью. Он лежал на диване в своей детской комнате, укрытый колючим шерстяным пледом поверх одеяла. Мама всегда так делала — подтыкала края, создавая кокон безопасности, из которого не хотелось вылезать.

За окном серый двор выглядел выцветшим, как старая фотография. Голые ветви тополей царапали низкое небо. Вчерашний разговор на кухне казался сном — слишком глубоким, слишком честным для обыденной реальности. Внутри все еще сохранялось то хрупкое спокойствие, которое он обрел после тарелки шарлотки и материнских рук.

Но оно начало трескаться, как тонкий лед, стоило Сергею взять в руки телефон. Сорок семь процентов зарядки. Телефон ожил, выплюнув десяток уведомлений. Одно из них было от Лены.

Лена была... попыткой. Попыткой соответствовать тому самому графику жизни, о котором вчера говорил Димка. Двадцать семь лет — критическая масса одиночества по меркам его окружения. Три недели назад их познакомили

общие друзья «на перспективу». Девушка красивая, работает юристом в консалтинге, знает два языка, говорит четко, смотрит прямо. Идеальный кандидат для раздела ипотечных обязательств через пять лет.

Вчера они ходили в винный бар на Патриарших. Сергей надел лучший свитер, долго выбирал парфюм. Весь вечер он старался быть остроумным, рассказывал про архитектуру баз данных, шутил над общими знакомыми. А она смотрела на него оценивающе. Не влюбленно, не заинтересованно, а именно оценивающе, словно прицениваясь на рынке: потянет ли этот экземпляр ежемесячный платеж за евротрешку?

Разговор вяз. Они говорили правильные слова, задавали правильные вопросы («А кем ты видишь себя через пять лет?», «Важен ли тебе эмоциональный интеллект партнера?»), но между ними стояла стеклянная стена. Когда официант принес счет, Лена достала свою карту: — Давай я закрою вино, у меня повышенный кэшбэк в категории «Рестораны» по этой кредитке.

Это был финал. Расчетливый, стерильный, пахнущий банковским приложением. Он заплатил за такси до ее дома, неловко чмокнул в холодную, подставленную скулу и уехал в противоположную сторону, чувствуя себя использованным реквизитом в чужом бизнес-плане.

Сообщение от нее светилось на экране: *«Спасибо за вечер. Ты хороший парень, Сережа. Но извини, "химии" нет. Я ищу мужчину с более агрессивным целеполаганием. Удачи в по-*

исках!»

Агрессивное целеполагание. Слова ударили под дых. Значит, вчерашняя паника была обоснованной. Он действительно выбывает из гонки. Его мягкость, его умение слушать, его любовь к старым книгам — это дефекты прошивки. Рынку нужен хищник. Продукт.

Сергей швырнул телефон на подушку. Металл глухо стукнул о наволочку.

Скрипнула дверь. На пороге комнаты появилась Ольга Андреевна. В руках она держала старую плетеную корзину, набитую садовыми перчатками, секатором и рулоном пакетов для мусора. — Спишь, сурок? — бодро спросила она. — Я уже лопаты во дворе пересчитала, пока ты ресницами хлопaeшь. Зима близко, Нэд Старк. Дрова сами себя не нарубят.

Она подошла ближе, бросила взгляд на экран телефона, валявшегося экраном вниз. Все матери обладают рентгеновским зрением. — Отстрелялась птишка? — усмехнулась Ольга, доставая из шкафа старый тулуп Сергея-отца. — По лицу вижу. Опять резюме завернули?

— Хуже, — хрипло ответил Сергей, садясь и подтягивая колени к груди. — Она сказала, что у меня недостаточно агрессивное целеполагание.

Ольга замерла с тулупом в руках. Ее плечи дрогнули, и вдруг она расхохоталась. Громко, искренне, запрокинув голову. Смех заполнил всю маленькую комнату, вытесняя остатки утренней тоски. — Господи, помилуй, — простона-

ла она, вытирая выступившие слезы уголком платка, повязанного на голове. — Целеполагание. Это ж надо так язык сломать. Прямо представляю эту Барби-юриста. Губы уточкой, спина прямая, глаза сканируют баланс твоего счета. Бедный мой мальчик. Трахнуло тебя московским глянцем по темечку.

— Мам, перестань смеяться, мне не смешно! — огрызнулся Сергей, хотя сам невольно улыбнулся от абсурдности формулировки. — Может, она права? Мир изменился. Сейчас нельзя просто жить. Нужно постоянно куда-то бежать, кого-то побеждать. Девушкам нужны альфа-самцы с волевыми подбородками и стартапами. А я кто? Архитектор чужих зарплат. Интеллигент в третьем поколении.

Ольга повесила отцовский тулуп на спинку стула. Подошла к сыну, села рядом, скрипнув старыми пружинами дивана. Помолчала, глядя в окно на заснеженный двор.

— Знаешь, почему я смеялась? — тихо спросила она. — Потому что слово в слово слышала это тридцать лет назад. Только тогда вместо «агрессивного целеполагания» говорили «пробивной характер».

Сергей удивленно повернул голову. — Папа? У папы был пробивной характер?

— Твой отец Витя в двадцать пять лет был похож на побитого сенбернара, — фыркнула Ольга, поправляя седую прядь. — Огромный, добрый, неуклюжий и абсолютно неприкаянный. Пробиваться он умел только локтями в оче-

реди за молоком, да и то стеснялся. Характер у него был... пластилиновый. Мягкий очень. И талант такой же — лепить из ничего красоту, а не деньги заколачивать.

Они познакомились осенью восемьдесят седьмого. Я тогда работала в НИИ градостроительства. Чертили генпланы новых микрорайонов на огромных ватманах рейсфедерами. Работа скучнейшая, бумажная, но коллектив женский, дружный. Пятница, конец месяца, аврал. Мы сдавали проект застройки Марьино.

Я сидела над чертежом девятого часа. Глаза слезились от туши, спину ломило так, будто меня через колено согнули. Захотелось курить, хотя я никогда не курила — просто нужен был повод встать и выйти из этого душного кабинета, пропахшего лаком для волос и несбывшимися надеждами наших сотрудниц.

Вышла на лестничную клетку. Там стоял он. Витя. Студент Строгановки, проходивший у нас практику. Художник. Ему поручили нарисовать аксонометрическую схему района — красивую картинку для выставочного стенда. Задача творческая, сроки горели позавчера.

Он стоял у окна, прижимая к груди огромный рулон своих эскизов. Пальто на нем было явно с чужого плеча — рукава коротковаты, из-под ворота торчал грубой вязки синий шарф, весь перемазанный углем. Волосы стояли дыбом. Лицо бледное, вытянутое, с какими-то совершенно неправильными чертами — нос чуть набок, губы полные, почти дет-

ские. Никакой маскулинности. Никаких признаков будущего добытчика. Стоит, смотрит в стену пустыми глазами и качается с пятки на носок. Выглядит так, словно мир закончился, а ему забыли сообщить.

— Практикант? — буркнула я, доставая мятую пачку «Стюардессы», которую стрельнула у инженера Петренко. — Что, выгнали?

Он вздрогнул. Посмотрел на меня сверху вниз (он был выше на полголовы) своими огромными, влажными карими глазами. И сказал: — У меня ласточка умерла.

Я опешила. Какая ласточка? Какой-то метафорический кризис творчества? — Какая ласточка, Вить? Нам завтра макет сдавать. Главный архитектор рвет и мечет. Где твоя схема?

— Дома осталась, — прошептал он и шмыгнул носом. Настоящим, детским шмыгом. — Я утром встал покормить её, а она на дне клетки лежит. Лапки подогнула. Я её в ладонях грел, дышал на неё. Ничего. Просто остыла. Такая маленькая, Оля... серенькая совсем. Я ей имя придумать не успел. Называл просто Ласточка.

И тут этот двухметровый мужик, студент лучшего художественного вуза страны, заплакал. Стоял посреди прокуренной лестницы советского НИИ и рыдал навзрыд, размазывая угольную грязь по щекам, потому что умерла птичка. Которая даже не умела говорить.

Мое раздражение как рукой сняло. Сигарета повисла в

пальцах. Я смотрела на него и понимала, что передо мной стоит абсолютная катастрофа. Непригодный для жизни элемент. Человек, который будет плакать над мертвым воровством, пока мы будем стоять в очереди за дефицитной югославской обувью. Который отдаст последние деньги нищему, а сам пойдет пешком через весь город. С таким нельзя строить коммунизм. С таким можно только замерзнуть в подворотне.

— Так, — сказала я строго, гася сигарету о бетонную стену. — Слезы вытер. Рукавом. Вот так. Пошли. — Куда? — всхлипнул он. — Работать пошли. Покажешь мне свои наброски. Будем спасать твой зачет и мою квартальную премию. Носовой платок есть? — Есть... бабушкин. С каемочкой...

Мы спустились в подвал, где хранились старые мольберты. Я взяла его эскизы. Они были гениальны. Легкие, воздушные линии, потрясающее чувство перспективы. Он рисовал Марьино так, словно это был Версаль. Люди на картинках улыбались, дети пускали пузыри, деревья цвели пышнее, чем в ботаническом саду. Мечта, а не типовая застройка.

— Проблема в том, Витя, — вздохнула я, раскатывая кальку, — что люди в Марьино будут вешать белье на балконах и пить пиво на лавках. Нарисуй мне реальность. Но оставь вот здесь, в освещении, немного твоей сказки. Чтобы комиссия увидела надежду, а не панельную тюрьму.

Мы просидели в подвале до полуночи. Я чертила жест-

кие линии коммуникаций, выносила оси. Он акварелью делал растушевку неба. Наши руки иногда сталкивались над планшетом. От него пахло скипидаром, дешевым табаком и какой-то невероятной, звенящей чистотой.

Когда мы закончили, он посмотрел на готовый планшет, потом на меня. — Спасибо, — сказал он серьезно. — Ты сильная. Ты бы смогла защитить Ласточку. — Я бы её заморозила своим цинизмом, — ответила я. — Поехали домой. Я живу на Преображенке.

Мы ехали в последнем трамвае. Сидели на жесткой деревянной скамье, вагон мотало на стыках. За грязным стеклом мелькали желтые фонари. Витя положил свою огромную ладонь на мои сцепленные пальцы. Просто положил. Теплую, тяжелую. И спросил: — Можно я буду называть тебя Воробушек? Ты такая... нахохлившаяся. Кажется, дотронься — и взлетишь от испуга.

И я, Ольга, старший инженер, комсомолка, девушка, которая планировала жизнь по пятилеткам и презирала сантименты, прижалась головой к его воняющему краской плечу и впервые за десять лет позволила себе просто ехать. Не планировать, не анализировать, не искать выгоду. Просто чувствовать тепло чужой ладони.

Сергей слушал, не шевелясь. Образ плачущего гиганта-художника никак не вязался с отцом, каким он его помнил — молчаливым, основательным мужчиной, который мог

часами чинить кран или копать грядки.

— И что дальше? — выдохнул он. — Сразу поженились?

— Если бы, — горько усмехнулась Ольга. — Дальше началась жизнь, сынок. Та самая, которой вы боитесь со своими свиданиями. Романтику сжирает быт быстрее, чем моль съедает шерсть.

Витю распределили по окончании института в реставрационные мастерские. Зарплата — кот наплакал. Семьдесят рублей. Плюс премии за восстановленные иконы, которые выдавали нерегулярно. Денег не хватало даже на приличную бумагу.

А я получала двести. Жила одна в хорошей квартире, оставшейся от бабушки. Ездила на работу на такси, если лень было ждать автобус. Покупала импортные сапоги.

Началось давление. Сначала шепотки на работе: «Олечка, золотце, зачем тебе этот блаженный? Он же гвоздя ровно не забьет. Пропадешь с ним». Потом подключилась родня. Моя мама, царствие ей небесное, женщина жесткая, фронтовая медсестра, вызвала меня на кухню: — Оль, ты посмотри на свой холодильник. Полный. А у твоего художника сегодня завтрак был — хлеб с маргарином. Ты его содержишь. Женщина не должна содержать мужчину, это противоестественно. Найди нормального. Инженера с завода. Чтобы костюм тройку носил по праздникам.

Самым страшным было то, что внутри я начинала с ней соглашаться. Любовь любовью, эти ваши «бабочки в живо-

те», о которых сейчас пишут в глянцевах журналах... Бабочки живут один день. А кушать хочется каждый день.

Однажды зимой у нас кончился уголь для колонки. Старый дом, индивидуальное отопление. Мороз минус двадцать. Вода в трубах схватывается. Витя ушел искать машину угля, надев свое тонкое пальто. Пришел через шесть часов. Промерзший до костей, черный, без денег. Оказалось, отдал последние рубли какому-то пьянице, который просил на похороны матери. Угля нет. Зуб на зуб не попадает.

Я открыла дверь, посмотрела на это синее лицо, на трясущиеся руки... и меня накрыло. — До каких пор?! — закричала я так, что соседи застучали по батарее. — До каких пор я буду мыть сортиры в НИИ, чтобы купить нам еду, а ты будешь раздавать мои деньги проходимцам?! Ты художник или идиот?! Мне нужна стабильность! Мне нужно знать, что если я заболела, ты сможешь вызвать врача, а не пойдешь рисовать портреты на Арбате за кусок хлеба!

Я кричала долго. Выплескивала всю ту накопившуюся женскую злость на несправедливость мира, страх перед будущим, усталость. Я била словами больно, метя в самое уязвимое — в его никчемность. В его неспособность обеспечить выживание.

Он выслушал. Молча. Не оправдывался. Просто смотрел своими собачьими глазами. А когда я выдохлась и упала на стул, тяжело дыша, подошел ко мне. Опустился на колени прямо на холодный линолеум. Положил свои ледяные руки

на мои горячие от гнева колени.

— Оля, — сказал он тихо, и голос его дрожал. — Я не могу обещать тебе стабильности. Я не знаю, сколько будут стоять мои картины завтра. Я не умею торговаться, я краснею, когда беру деньги за свою мазню. Я слабый. Я глупый. Я отдам последнюю рубашку. Но я обещаю тебе другое. Если ты заболеешь, я никуда не уйду. Я буду сидеть рядом столько, сколько нужно. Я буду держать тебя за руку, даже если моя собственная рука отсохнет. Я буду выносить твои судна, менять тебе утки, кормить с ложечки и рассказывать тебе сказки, пока ты не начнешь улыбаться. Я буду любить тебя, даже когда ты станешь старой, морщинистой и некрасивой. Даже когда ты будешь ненавидеть меня. Я не дам тебе умереть в одиночестве. Это единственное, что я умею делать хорошо. Любить. Всерьез. Без скидок.

Слезы снова катились по лицу Ольги. Она смотрела куда-то сквозь стену кухни, заново переживая тот момент сорокалетней давности. — И знаешь, Сережа, что я сделала? Я разревелась. Во второй раз за тот вечер. От стыда. Я предлагала ему сделку. Безопасность в обмен на верность. А он отказался продавать себя. Он предложил мне дар. Всего себя. Без остатка.

На следующий день мы пошли в ЗАГС. Никаких белых платьев, лимузинов и голубей. Потертые джинсы, его дурацкий шарф и мое старое драповое пальто. Регистраторша смотрела на нас как на сумасшедших. Но когда Витя взял

меня за руку, чтобы надеть кольцо — простое, медное, которое он сам отлил в мастерской — я поняла одну вещь, которую пытаюсь объяснить тебе всю твою жизнь.

Любовь — это не когда смотрят друг на друга, сынок. Это даже не когда дышат в унисон. Любовь — это когда двое смотрят в одну сторону. В одну бездну. И решают прыгнуть туда вместе, держась за руки, зная, что дна может и не быть.

Твоя Лена ищет попутчика в бизнес-класс. Человека, который оплатит половину билета и не будет храпеть, загораживая иллюминатор. Ей нужен партнер по выживанию в каменных джунглях. Это логично. Это безопасно. Но это не семья. Это корпорация.

— Но мам, — Сергей подался вперед. Его собственные проблемы отошли на второй план, затопленные масштабом родительской истории. — Разве тебе никогда не было обидно? Ну... честно? Видеть подруг, чьи мужья становились начальниками главков, получали дачи, возили семьи в Сочи... А папа оставался художником. Вы считали каждую копейку. Девяностые вообще едва вас не убили голодом. Неужели желание комфорта — это так плохо?

— Обидно? — Ольга горько рассмеялась, наливая им обоим чай из заварочного чайника с надколотым носиком. — Да я выла по ночам, Сережа. В девяносто втором, когда инфляция сожрала все сбережения, когда художники стали никому не нужны, потому что людям стало нечего жрать, не до искусства. Когда наш сосед дядя Боря пошел торговать поль-

скими турецкими куртками и купил жене норковую шубу, а я штопала своему мужу единственные зимние ботинки капроновыми нитками, потому что кожа треснула на морозе...

Мне было зверски, первобытно обидно. Я проклинала его талант. Я проклинала его чистые руки. Я хотела нормально-сти. Приходила к маме, плакала: «Забери меня отсюда, купи мне путевку в санаторий, выдай замуж за завскладом!»

Знаешь, что отвечал мне Витя, когда находил меня на кухне в три часа ночи, опухшую от слез? Он не обещал золотых гор. Он снимал с меня тапочки, массировал мои отекавшие ноги — я тогда уже начала работать в две смены, брать халтуру — и говорил: «Воробушек, смотри. У нас течет кран. Это плохо. Зато у нас есть крыша. У соседей этажом выше трубу прорвало, они теперь судятся. У Миши инфаркт случился на почве разборок с бандитами, он палатку держит. А у нас течет всего лишь кран. И мы живы. И мы вместе. Закрой глаза. Представь, что этот звук — музыка. Кап-кап... ритм нашей жизни».

И я психовала, била его полотенцем по спине, называла идиотом. А потом открывала глаза и видела, как он сидит в углу под тусклой лампочкой и рисует. На клочке оберточной бумаги, дешевой беличьей кистью. Рисует меня. Уставшую, зареванную, некрасивую. И на рисунке я получаюсь Мадонной. Светящейся изнутри.

Вот ради этого мига, Сережа, женщины живут. Ради того, чтобы в самый паршивый, самый нищий, самый безнадеж-

ный день твоей жизни нашелся человек, который посмотрит на тебя и увидит Мадонну. А не текущее расписание банковских переводов.

Комфорт — это прекрасно. Я первая скажу тебе, что теплый туалет лучше холодного сортира во дворе. Хорошая машина удобнее автобуса. Деньги дают свободу маневра. Ищи девушку, которая умеет зарабатывать, которая амбициозна, которая хочет видеть мир. Это здорово, когда у двоих есть ресурс.

Но выбирай не по ресурсу. Выбирай по реакции.

Представь ситуацию, сын. Гипотетическую. Вы едете в машине. Зима. Скользко. Вас заносит. Удар. Ты приходишь в сознание в больнице. Переломан. Парализован ниже пояса. Врачи говорят туманно, прогнозы неясны. Ты беспомощен. От тебя пахнет лекарствами. Ты зол на весь мир. Ты невыносим.

Что сделает твоя «девушка с агрессивным целеполаганием»? Она посидит неделю. Оценит риски. Поймет, что инвестиционный портфель «инвалид-муж» крайне токсичен. Соберет вещи, пожелает скорейшего выздоровления и уйдет строить новую ячейку общества с более дееспособным самцом. И юридически будет права. Контракт расторгнут по форс-мажору.

А та, другая... Она придет с пакетом пирожков. Расставит на тумбочке твои нелюбимые, но полезные лекарства. Возьмет книгу и начнет читать тебе вслух. Или просто будет мол-

чать рядом, перекатывая в пальцах бусины четок. Она останется. Не из жалости. Из любви. Потому что для нее ценность представляет душа, которая живет в этом искаленном теле, а не функции, которые тело выполняет.

Ищи ту, которая останется, Сережа. Ту, с кем не страшно потерять статус, деньги, здоровье. Ту, которой можно показать свою слабость. Свою мертвую ласточку. Свой страх перед ипотекой. Свое несовершенство.

Ольга встала, подошла к старому комоду и выдвинула нижний ящик. Достала оттуда что-то завернутое в ветхий фланелевый лоскут. Протянула сыну.

— Держи.

Сергей развернул ткань. На его ладони лежало то самое медное кольцо. Оно потемнело от времени, приобрело благородный зеленоватый оттенок окисла, но гравировка на внутренней стороне читалась легко: *«Вместе навсегда. Даже если навсегда — это только сегодня»*.

— Папа сделал его сам, — тихо сказала Ольга. — Расплавил какую-то шестеренку от старого станка. Литейная форма — половинка картошки. Примитивно. Некрасиво. Но когда мне становилось совсем тошно от нашего безденежья, я сжимала его в кулаке до боли. Оно горячее. Оно настоящее. Оно весит больше, чем вся платина этого мира.

— Почему ты раньше мне его не показывала? — прошептал Сергей, осторожно касаясь металла пальцем.

— Ты спрашивал про романтику. Про кино. Про цветы к

памятнику. Тебе нужны были красивые истории для постов в соцсетях. А эта история — про гнилые доски пола, которые мы латали вдвоем. Про суп из куриных лап, который мы варили неделями в девяносто восьмом. Про то, как он падал в обморок от голода, отдав мне последний бутерброд, но продолжал улыбаться, чтобы я не пугалась. Ты был слишком молод, чтобы понять разницу между фейерверком и печным огнем. Фейерверк яркий, но от него остаются только головешки и запах дыма. Печной огонь греет годами.

Сергей надел кольцо на мизинец. Оно оказалось велико и болталось. — Я думал, любовь — это когда дух захватывает, — признался он, глядя на кольцо. — Как на американских горках. Адреналин.

— Адреналин вырабатывают надпочечники, — мягко поправила Ольга, забирая у него чашку. — Он истощает организм. Любовь вырабатывается терпением. Она восстанавливает.

Ты спрашиваешь, как я поняла, что он — тот самый? В ЗАГСе я этого не знала. Я думала, что совершаю ошибку, мезальянс. Я поняла это спустя год. У него открылась язва. Кровоточащая. Больницы, капельницы, строгая диета. Ни острого, ни жареного, ни кислого. А готовить вкусно — это единственный способ, которым я тогда умела выражать привязанность.

Я стояла на кухне и резала лук для борща. Обычного, наваристого, с салом. Заплаканная от лука. И тут выходит он.

Бледный, держится за живот. Смотрит на этот борщ, на куски сала, плавающие в кастрюле, на запах чеснока... Смотрит на меня. И говорит: «Воробушек, давай ты будешь варить этот рай для себя. А мне сделай жидкую овсянку на воде. Я посмотреть на твою вкуснятину не могу, сердце разрывается».

И в этот момент, стоя с ножом и луковицей посреди коммунальной ругани соседей за стеной, я осознала всей глубиной своего существа: этому человеку не все равно, больно ли мне смотреть, как он ест овсянку, пока я ем мясо. Ему физически больно от моего дискомфорта.

Вот это, Сережа, и есть брак. Не совместные фоточки из отпуска. Не общий бюджет. А готовность жрать овсянку на воде, лишь бы близкому человеку не было мучительно вкусно одному.

Входная дверь щелкнула. Короткий, сухой звук. Оба вздрогнули.

На пороге кухни появился Виктор Иванович. Постаревший копия сына — те же широкие плечи, склоненные вперед, те же добрые, чуть виноватые глаза за стеклами очков. От него пахло морозом, бензином и сосновой стружкой. В руках он держал холщовую сумку, полную антоновских яблок.

— Разбудили отца, ироды? — добродушно проворчал он, ставя сумку на пол и начиная развязывать шнурки тяжелых зимних ботинок. — Раскудахтались. Чай пейте тише, воду переводите.

— Пап, — окликнул Сергей, поднимая руку с кольцом. —
Смотри, что мам дала.

Виктор Иванович разогнулся, снял очки, протер их полой фланелевой рубашки. Подслеповато прищурился, рассматривая медь на пальце сына. Его лицо, изрезанное глубокими морщинами, дрогнуло. Суровые складки у рта смягчились. — Узнал, — тихо сказал он. — Старая песня. Шестеренка от токарного, образца семьдесят девятого года. Хорошая была шестеренка, советская, качественная. Много оборотов выдержала.

Он прошел к столу, мимоходом погладив жену по затылку тяжелой, мозолистой ладонью. Сел на свое место — в углу, лицом к двери. Привычка человека, привыкшего защищать очаг. — Налейте и отцу вашего крутого кипятка, — попросил он. — Гречку я сварил, на столе стоит, под полотенцем. Масло сами добавьте.

Сергей смотрел на родителей. На мать, которая суежилась у плиты, двигаясь плавно, экономно, составляя с кухней единое целое. На отца, который сидел, расправив уставшую спину, и с тихой нежностью смотрел на жену. Никакого голливудского блеска. Никакой страсти первых месяцев. Было нечто гораздо более глубокое. Спокойная вода глубокого озера, в которой отражается вечное небо.

— Пап, — решил Сергей. — А тебе не было... стыдно? Ну, когда другие мужики... ну, зарабатывали больше.

Виктор Иванович перестал дуть на ложку с кашей. По-

смотрел на сына долгим, внимательным взглядом. Таким же, каким вчера смотрела Ольга. — Стыдно, сынок, бывает за поступок. За предательство. За трусость. За то, что обидел слабого. А за то, что ты любишь свою женщину настолько, что готов ходить в дырявых ботинках, лишь бы она купила себе новые серьги — за это стыдным быть не может. Это называется порядочностью.

Деньги приходят и уходят. Сегодня ты директор департамента с агрессивным этим самым... как его... а завтра кирпич на голову, и лежишь овощем. И твой департамент тебе горшок подавать не станет. Станет жена. Поэтому ты, главное, выбирай такую, которая этот горшок подаст с уважением к твоей душе. А какого цвета у нее кредитка — золотая или пластиковая дебетовая — дело десятое. Лишь бы пластик был человеческим.

Он вернулся к гречке. Наступила тишина. Но это была не пустая тишина вчерашнего бара, полная взаимной оценки. Это была густая, теплая тишина дома, где всем друг с другом безопасно.

Сергей допил остывший чай. Страх перед Леной, перед ее отказом, перед отсутствием «агрессивного целеполагания» испарился. Ему стало жаль ее. Искренне, по-человечески жаль эту красивую, умную женщину, которая так эффективно управляет финансами, что забыла научиться управлять собственным сердцем. Которая ищет инструмент, а не собеседника.

— Мам, пап... — начал он, вставая из-за стола. — Спасибо вам. За шарлотку. За разговоры. Я... я, пожалуй, останусь на выходные. Дрова там точно сами себя не наколют.

— Еще чего, — фыркнул отец, не поднимая глаз от тарелки. — Кто ж кроме тебя наколет. У тебя рука молодая, злая. Правильная злость. На дерево.

Ольга улыбнулась в плечо мужа. — Иди одевайся, лесоруб. Я тебе термос соберу. С правильным чаем, не то что твоя бурда офисная. И бутерброды сделаю. С настоящим маслом, а не с вашим пальмовым химическим ужасом.

Сергей вышел из кухни. Проходя через коридор, он задержался у зеркала. Посмотрел на свое отражение. Усталые тени под глазами, трехдневная щетина, простая майка. Рядом с фотографией родителей, висевшей на стене — молодой, сияющей пары, где мама в легком ситцевом платье, а папа в беретке набекрень — он выглядел нескладным и большим.

Но впервые за долгие годы он увидел в зеркале не неудачника без графика амортизации кредита. Он увидел продолжение. Ветку огромного, хоть и кривоватого дерева, корни которого уходили глубоко в эту советскую плитку, в запах яблочных пирогов и в безусловную готовность делить пополам и корку хлеба, и бесконечное небо.

Кольцо на мизинце слегка нагрелось от тепла руки. Медный привкус остался на губах. Сергей улыбнулся своему отражению — широко, открыто, сбросив маску успешного менеджера.

Где-то там, в большом городе, его ждали миллионы людей с правильными планами. А здесь, в пятиэтажке на окраине, его ждали настоящие ценности: тупой колун, охапка промерзших дров и родители, доказавшие, что идеальных людей не бывает. Бывают только свои.

Глава 3. Прости меня за те слова

Стук топора о мерзлое дерево — звук честный. В нем нет фальши, нет двойного дна, нет скрытых мотивов. Дерево либо поддается, раскалываясь с сухим, певучим треком, либо пружинит, принимая удар на себя и заставляя человека напирать спину до хруста в позвонках.

Сергей любил эту работу именно за ее абсолютную математическую справедливость. Здесь не нужно было улыбаться заказчику, не нужно было скрывать усталость за фасадом «я полон сил», не нужно было притворяться кем-то другим. Ты просто брал тяжелый обух, заносил над головой, вкладывая всю массу своего тела, и опускал вниз. Раз. Два. Сноп искр из-под лезвия. Три.

Пар валил от него клубами, оседая инеем на бровях и ресницах. Старая отцовская тельняшка промокла насквозь, прилипнув к лопаткам. Двор родительской дачи был завален березовыми чурбаками, пахнущими сладкой горечью сока. Работа близилась к концу — аккуратная поленница у стены сарая росла на глазах, превращаясь в геометрически правильную крепость против грядущих морозов.

Физический труд делал то, чего не могли сделать долгие разговоры на кухне вчера и позавчера: он вытряхивал из головы липкую паутину тревоги. Мысли перестали метаться между ипотекой Лены, мертвой ласточкой отца и собствен-

ным несовершенством. Осталось только здесь и сейчас. Вес колуна. Упор ног в промерзшую землю. Дыхание, вырывающееся изо рта белыми облачками.

— Сынок! — голос Ольги раздался со стороны крыльца. Она стояла, кутаясь в пуховый платок, поверх которого была надета старая цигейковая шапка Виктора Ивановича. В руках она держала эмалированный чайник, от носика шел густой пар. — Хватит махать, спина заболит. Иди грейся, я морс сварила. Клюквенный.

Сергей воткнул топор в широкий пенёк, служивший колодой, и тяжело выдохнул. Плечи гудели приятной, горячей тяжестью. Он стянул вязанные перчатки, кинул их на снег и пошел к дому, оставляя глубокие следы.

— Сейчас, мам, только руки помою, — пробасил он, стараясь говорить ровно, хотя дыхание еще сбивалось. — Льдом можно? Руки огнем горят.

— Можно, — кивнула она, пропуская его в тесные сени. — Только потом сразу ко мне. Разговор есть.

Слово «разговор» повисло в теплом воздухе кухни тяжелее, чем запах мокрой шерсти и клюквы. Сергей плеснул ледяной водой из ведра в лицо, растер докрасна шею жестким вафельным полотенцем. Внутри что-то неприятно сжалось. Ольга никогда не просила зайти для разговора просто так. Обычно это означало лекцию о вреде сквозняков или необходимость чинить проводку.

Он вошел на кухню. Ольга уже разливала по старым гра-

ненным стаканам густой, рубиновый напиток. На столе стояла тарелка с бутербродами — толстый слой деревенского масла, сверху домашний сыр. Еда здесь всегда была актом любви, материальным воплощением заботы.

— Садись, — сказала она, подвигая ему стакан. Лицо ее было непривычно серьезным, морщинки вокруг глаз обозначились резче. — Пей. Горло сорвешь дышать на таком холоде.

Сергей взял стакан. Стекло обожгло пальцы. Он сделал большой глоток. Кислота взбодрила, смыла металлический привкус усталости во рту. — Мам, ты меня пугаешь. Что случилось? Отец упал? Или трубу прорвало?

— Никто не упал, — качнула головой Ольга, садясь напротив. Она сцепила свои маленькие узловатые руки в замок на клеенке. Помолчала, глядя куда-то сквозь стену, собираясь с мыслями. — Сережа... мы вчера много говорили. О тебе. О твоём страхе. Об отце. Это правильно. Семья должна выговориться. Но пока мы смотрели вперед и вбок, мы забыли посмотреть назад. А там лежит камень. Большой такой, гранитный. Давно лежит, два года почти будет. Спотыкаемся об него постоянно, делаем вид, что так и надо, а убрать лень. Или страшно.

Сергей замер со стаканом на полпути ко рту. Сердце пропустило удар, а затем забилось часто-часто, как тогда, в прокуренном баре на Белорусской. Он знал, о каком камне идет речь.

Декабрь позапрошлого года. Тот самый вечер, который они оба сделали вид, что забыли.

Тогда все началось точно так же — с телефонного звонка. Сергею отказали в проекте. Конкурс на застройку нового квартала бизнес-класса, над которым он корпел три месяца, сутками не вылезая из офиса, выиграла другая студия. Молодые ребята из Питера. Их концепция была дерзкой, наглой, но технически невыполнимой без нарушения трех СНиПов. Заказчик выбрал их. За «свежий взгляд».

Сергею казалось, что у него отобрали часть легких. Он приехал на дачу поздно, злой, голодный, с лицом цвета асфальта. Виктор Иванович пытался завести генератор — света не было вторые сутки из-за ледяного дождя. Ольга возилась с тестом для пирога.

— Опять проиграли? — спросил отец, вытирая мазут с рук ветошью. Голос его звучал спокойно, даже сочувственно.

И тут Сергея перемкнуло. Накопленная за месяцы гонок усталость, унижение перед заказчиком, стыд перед коллегами — все вырвалось наружу. Не криком. Холодной, ядовитой желчью.

— Как вы можете здесь сидеть?! — прошипел он, обводя рукой старую кухню с облупившейся краской на подоконниках. — Тепло вам? Светло? Сыто? Сидите в своем коко-не! Печки, дровишки, яблочки моченые... Девяностые годы у вас в головах застряли! Вы жизни не видели!

Ольга медленно положила скалку на стол. Тесто осталось недооформленным комком. — Что ты сказал? — тихо спросила она.

— Правду сказал! — Сергей ударил кулаком по столу так, что подпрыгнули пустые чашки. Звук получился громкий, деревянный, отрезвляющий, но злость уже несла его дальше, как лавина. — Вы прожили жизнь вполсилы! Папа — непризнанный гений с язвой желудка, потому что гордости не хватило пойти начальником цеха! Мама — святая мученица, которая закопала свой диплом инженера ради того, чтобы штопать носки неудачнику! Вы научили меня быть хорошим мальчиком! Честным! Порядочным! И где эта порядочность, когда тебя имеют во все щели корпорации?! Я ненавижу этот дом! Ненавижу эти обои в цветочек! Мне тошно от вашего смирения! Вы сдались! Вы просто опустили руки и решили, что бедность — это духовность! А я не хочу! Я хочу квартиру с панорамными окнами! Я хочу машину, которая заводится с кнопки! Я хочу уважения, которое измеряется цифрами на банковской карте!

Он выдохся так же внезапно, как и начал. Замер, тяжело дыша, глядя на родителей расширенными, безумными глазами.

Виктор Иванович медленно встал. Лицо его стало белым, как бумага. Только на скулах проступили красные пятна. Он ничего не сказал. Молча снял с вешалки свою старую дубленку, натянул шапку и вышел за дверь, плотно прикрыв ее

за собой. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

Ольга осталась сидеть. Она смотрела на сына долго, очень долго. В ее глазах не было слез. Там замерзло что-то страшное. Арктическая пустыня. — Убирайся, — произнесла она одними губами.

— Мам... — Собирай вещи и уходи, — голос ее стал твердым, звенящим, как стекло на морозе. — Прямо сейчас. Витя ушел пешком до станции, электрички уже не ходят. Значит, пойдет через лес. Ему семьдесят лет. У него большое сердце. Если он там упадет в сугроб, это будет на твоей совести. Мой сын умер минуту назад. Передо мной сидит чужой, жадный, слепой человек. Уходи. Пока я не взяла нож и не начала резать правду про *твою* жизнь. Про то, какой ценой дается твоя красивая графика на мониторе. Про то, кто меняет тебе постельное белье, когда ты болеешь гриппом. Про то, почему твой отец носит пальто, купленное десять лет назад. Уходи.

Сергей тогда схватил куртку и выбежал. Сел в машину. Доехал до Москвы, ни разу не оглянувшись. Всю дорогу его трясло. От ярости, от стыда, от ужаса собственных слов. Они созвонились с отцом через день. Сухо обсудили погоду. Договорились, что Сергей переведет деньги на новый насос. Слово «прости» не прозвучало ни разу. Оно застряло где-то в горле, превратившись в хронический спазм.

Они продолжали общаться. Встречались на праздники. Дарили подарки. Но та стена стеклянной вежливости, кото-

рую Сергей строил последние два года, стала толще брони. Они стали чужими людьми, связанными общим прошлым, которое теперь болело, как фантомная конечность.

— ...ты назвал нашу жизнь поражением, — голос Ольги вернул его в настоящее. Она все так же сидела, сцепив руки, и смотрела в свой стакан с морсом. — Самое обидное, Сережа, было не слово «неудачники». Самым ядовитым было слово «смирение». Ты решил, что мы сложили лапки. Что мы слабые.

Сергей поставил стакан. Рубиновая жидкость дрогнула. Его кадык дернулся вверх-вниз. Во рту пересохло. — Мам... — начал он, но голос предательски сорвался. Пришлось про-чистить горло. — Мам, прости меня. Господи, как же стыдно. Я помню каждое слово. Каждую секунду. Я хотел позвонить сто раз. Приехать. Упасть в ноги. Но каждый раз представлял, как открою рот, и оттуда снова польется эта... грязь. Моя слабость обернулась агрессией. Я бил по самому больному — по вашей любви друг к другу, пытаюсь доказать себе, что я сильнее вас. Что я победитель этой гонки. А сам оказался последней скотиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.